

Мертвый час киборга

A romantic scene of a couple embracing under an umbrella in a golden rain. The rain is depicted as a dense shower of bright, shimmering particles, creating a dreamlike atmosphere. The couple is silhouetted against the bright light of the rain, with the man standing and the woman leaning into him. The ground is wet and reflects the light, and the overall color palette is dominated by warm, golden-yellow tones.

16+

МеРи Назари

МеРи Назари
Мертвый час киборга

«Автор»

2019

Назари М.

Мертвый час киборга / М. Назари — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-98135-5

Мария прибывает в дачный коттедж на берегу моря, где проживает подруга со своим мужчиной. Проницательная гостья быстро кумекает, что тот вовсе не любовник подруги, а лишь имитация. Для чего и зачем? Да и человек ли он вообще?.. Одно точно: "заколдованную" подругу необходимо спасти. Всего сутки потребовалось Марии, чтобы погрузиться в клубок дьявольщины и распутать его.

ISBN 978-5-532-98135-5

© Назари М., 2019

© Автор, 2019

МеРи Назари

Мертвый час киборга

– ... Теперь будем ломать мы. С того конца, которым ты “СюСкай” сделала. Высверлим... как там у вас, ботаников, называется... Трепанация! Повесим на ёлку с игрушками. Слабо стать жвачкой – новогодним подарком для бобиков от Санта Клауса, то бишь меня?

Сушатели похохатывали и одобрительно гыкали в усладу пахану, и только сбитая с ног женщина повернув голову к выходу, будто к чему-то прислушивалась. Голубые глаза будто синим светом освещали камеру.

Дверь, загремев, неожиданно открылась, и голос начальника смены произнес:

– Гражданку Марию Молеву на выход!

Кургузый ээк махом поднял узницу и поставил на ноги. Накинул на плечи растоптанную шаль. Развернул женщину и подтолкнул к двери. Выходя, она услышала, как вертухай сказал тем, что остались в камере:

– Оправдали ее. Стопроцентная реабилитация. Не успели елку разукрасить, гады. Хабар мне на стол.

Объявление о прибытии сразу двух самолетов произвело фурор. Отразившись от блестящей облицовки аэропорта, слова диктора вонзились в нервы людей и зажали самостоятельной жизнью. Людская волна рванула и тут же застопорилась. Туннель, похожий на пасть дракона, уже изрыгал авиапассажиров – конца и краю не видно.

Альбина зачарованно наблюдала, как в толпе возникало бурление и из воронок повсюду выныривали горстки встречающих, которые так пылко обнимали и целовали недавних пленников подземной утробы, что казалось, стремились подтвердить самые невероятные представления о дружбе и любви. В едином порыве люди, в далеком и недавнем прошлом связанные друг с другом, перекрыв огромное расстояние, оторвав себя от диванов, столов и дел, забыв неизбежные недопонимания, сиюминутные недоразумения и, быть может, многолетние распри, соединялись друг с другом. Воистину, полет в небе – это какой-то тест. Прямо-таки inferнальный тест – на истинные чувства.

Аля вспомнила о своем спутнике. Остроносый лысеющий мужчина лет пятидесяти застыл, вытягивая шею навстречу выходящему потоку. Он упорно сохранял неизменной выжидательную улыбку, и до сих пор ни одна эмоция от делящейся уж более часа толкотни не пробралась на его лицо и не испортила подобающего случаю выражения.

– Я все делаю с огромной любовью к тебе, – произнес он, поймав Алин взгляд, и вытер носовым платком пот со лба. – Королева, любовь моя, позвони еще.

Альбина набрала Машин номер.

Звонкий голос пробился к ее ушам сквозь шум толпы.

– Але, але! Чичас буду! Стояла не перед тем конвейером!

– Ты отзванивайся хоть иногда, подруга! Второй час паримся. А то у Георга... того... флeboxсия...

Аля намерено говорила с некоторой строгостью. Это для Георга. Ведь для него Маша была чужой, и Аля ощущала вину перед ним за то, что сорвала с высокооплачиваемой работы.

– Че-че?.. – весело переспросили на другом конце связи.

– Ну того... Флеботомия!

– Не слышу! При встрече!..

Аля закрыла телефон и сказала:

– Если устал, присядь, отдохни.

Но он, игнорируя предложение, продолжал выдерживать стойку гончей.

Вот зачем он с ней увязался? – это вопрос. «Моя любимая требует специального обхождения» и «Мне бог велел тебе помочь, я лишь исполнитель его воли» – зарядил он, и ни шагу в сторону.

Она в конце концов уступила, хотя предпочла бы обойтись без помощи, по своему опыту зная, что к хорошему привыкать быстро, а отвыкать бывает не просто.

Зал поредел, и из зева «дракона» выцеживались лишь редкие группки прибывших.

Машка оказалась самой последней каплей inferнально-тестовой психоделии. Разбила напряжение, как хрустальный бокал на свадьбе. Часы ожидания вмиг сменились фонтаном чувств.

После объятий и поцелуев настал священный для Георга ритуал – фотографирование. Этот процесс всегда волшебным образом видоизменял его, и на этот раз Аля не удержалась, чтобы не подтрунить над губами, сложенными в острый треугольничек.

– Горящие глаза мачо и неизменная искусственная улыбка на месте, – отметила она.

– Не искусственная, – отбрыкнулся он от наезда. – Не хочу всяких губных углов.

– А то птичка не вылетит, – поддержала Маша, улыбаясь своему отражению в зеркальце.

Она относилась к тому типу женщин, которые чем-то неуловимым притягивают внимание и узнаются куда чаще, чем узнают сами. Но не так, чтоб услышать радостное: «О-ля-ля! Мне кажется, я вас где-то видел!» Скорее пасмурно-вежливое: – «А мы-то считали, что вы вышли замуж за миллионера и уехали за границу». И всё оттого, что чуть сросшиеся брови придавали ее лицу пикантное выражение решимости – одновременно настораживающее и влекущее.

– Маленькая птичка быстро выросла, – ответил Георг на Машину реплику и подал ей губную помаду, выпавшую из расшитого бисером ридикюльчика.

Садясь в машину, Аля приоткрыла переднюю дверцу и сказала, что сядет с подругой сзади.

– Пусть тут полежит, чтоб тебе скучно не было, – добавила она, кладя куртку на пустое сидение.

Георг, не отвечая, завел мотор.

Женщины устроились на заднем сиденье и защебетали о своем – женском.

– О! какой запах! Никак ты изменила белой сирени?

– Уж два с половиной года назад.

– А очки... ты теперь без очков?

– Решилась на лазерку.

– Класс!

– А ты по-прежнему модель писаная!

– С чего взяла?... Ты спишь, проснись!

– Смотри в зеркало!

– Да, зеркало – это единственная вещь, которая говорит правду.

– Ой ли? Лично мне оно всегда лжет. Но я смотрю в него до тех пор, пока себе не понравлюсь.

– И правда – пусть не халтурит!

– Главное серьезно на него посмотреть. Вот так!

Рука об руку, почти соприкасаясь друг с другом коленями, они обменивались долгими взглядами и беспрестанно улыбались, готовые всю предстоящую ночь хихикать и трещать без умолку о своих делах, воспоминаниях и впечатлениях... Но Георг врубил громкую музыку, так что разговор, ограничившись парой фраз, затух.

Что ж, у мужчин свое представление о жизненных вехах.

Женщины непроизвольно затихли под децибелами, все реже оборачиваясь друг к другу. Глаза стали смыкаться. Машка не выдержала первая и, прильнув к укрытому мягкой шалью плечу подруги, уснула.

Альбине спать хотелось безумно, но отключиться безмятежно, как Маша, она не могла. Как будто зудело что-то в мозгу, а сонные глаза не съезжали с затылка впереди.

Френд вызывал восхищение. Он без проблем преодолевал сонливость и на раз концентрировался. Это Аля заметила ещё раньше. Такому водиле не грех довериться. Тверд. Собран. Трезв. Решительно отрубил сюси-мюси... Это по-мужски. Оправдано. Дорога ожидается не из легких – по горному серпантину среди ночи.

Да он просто милашка!.. Как ни верти, чтоб она делала, если б не он?

И он любит ее...

А она?..

Она присматривается. Все еще. Но честно ли это по отношению к безоглядно отдавшему свое сердце мужчине?!

Задалась вопросом – и наплыли смешанные чувства. Смесь из благодарности, долга и подспудного сомнения в явленной жертвенности. Коктейль, вполне подходящий для впрыска в кровь дозы адреналина. Он-то и не давал расслабиться. Как никак третий раз за сутки... Второй раз – когда в толпе встречающих Георг вытирал пот со лба. А первый – ещё в такси, когда они добирались до Мерса, оставленного на стоянке.

Георг рассказывал тогда водителю об убийстве сына. Убийстве самого дорогого, что было в жизни... – и с теми же душераздирающими подробностями, которые памятной ночью вызвали у нее, Али, неукротимые рыдания. «...Кровь на шесть метров хлестала...»

Машина резко вильнула, и чтобы не докучать водителю излишними вопросами, Альбина включила навигатор на бесшумном режиме.

Альбина из последних сил концентрировала в себе крохи бодрости, определяя местоположение. Из пограничного сознания вынырнула мысль:

«Че я напрягаюсь-то? – И Аля сама же себе ответила: – Из-за моего эксперимента не должна пострадать Маша – вот чего». «Хм, – тут же съехидничал внутренний редактор. – Итак, отношения с Георгом ты считаешь экспериментом. Будем знать».

Путь изобиловал резкими виражами и кренами. Зеленоватый свет фар вырывал из темноты два-три метра видимости, что тотчас плющили колеса. Стремительно нарастало и ослабевало гудение, ослеплял, мигал и пропадал свет со встречной полосы. Пролетая метеорами, ночные гонщики друг за другом поглощались мраком.

Похолодало. На просьбу Али подать куртку с переднего сиденья Георг не отозвался. Он сосредоточенно всматривался вперед. По каким приметам можно двигаться в этой полутьме, на мизер освещенной фарами, для спутницы было загадкой.

И снова благодарное: «Что б я без него делала?»

Рулить она умела. Но Серёга не успел научить до конца... и теперь ее учителя больше нет.

Суровый голос разума возвратил к действительности: «Да ничего особенного, переканттовались бы в аэропорту на скамейках, а утром – на старт, внимание, марш».

Изнеженный и прагматичный, другой голос искушал: «Куда удобнее то же самое, сидя под крылышком надежного человека».

Несомненно, Георг – ее выигрышный билет!

Притормозив через час у заправочной станции, он вышел и вернулся с бокалом дымящегося кофе. Ей не предложил: посчитал, что спит. Она тайком любовалась сексапильной фигурой в отблесках огней, почему-то зажмурившись при его посадке.

Мотор загудел – и стрелка навигатора перемахнула на север.

Хм... Они ехали в противоположном от дома направлении!

Вот незадача... Новый букет адреналина готовился к впрыску.

Что это?.. Ночной промах?.. Сброс эмоций? Заметил, что она следит за маршрутом – и ей в пику?

Ни то, ни другое не исключалось. Ошибка в период ночного бодрствования вполне вероятна. И эмоциональный негатив возможен. Слишком долго ждали Машу в аэропорту... Неудачные реплики – туда же. Её или Маши – без разницы. Всё могло отразиться.

Но вот автомобиль развернулся по направлению к дому. Ненужный, по сути, вираж.

Но почему?..

«Потому что Георг – это и есть вираж!» – ответил «внутренний редактор».

Качнуло так, что голова коснулась переднего сиденья, а навигатор выбило из рук.

Аля глянула вперед и не увидела впереди ни клочка асфальта. Легкая пыль в зелено-желтом свете медленно опускалась и исчезала... Мерс стоял на краю пропасти.

«Насилие звуком из динамиков могло быть жестом!.. Игнор – тоже!..» – всполошился «редактор».

Сквозь приспущенные ресницы Аля видит: Георг снимает руки с руля и медленно, как в замедленной киносъемке, поворачивается к ней...

Она, обхватив Машины плечи и затаив дыхание, снова не зная зачем, закрывает глаза.

Ревет мотор – Аля сплющивает веки сильнее. Но, когда чувствует, что Мерс подал назад, наконец расслабляется.

...Глубокой ночью они попадают на нужную дорогу и оказываются в приморском селе-нии, по крыши упакованном в лес.

Под светом луны Аля выгружает вещи из салона.

– Сумку я поставила у капота, – говорит она.

– А куда поставить Машу? – спрашивает Георг.

Он склоняется над спящей гостьей.

Аля будит подругу, Георга же просит отнести покупки и сбегать в погребок за «Элегией Масне» местного розлива.

– Тогда сюда, – отвечает он и уходит.

– Что он сказал? – спрашивает Маша, протирая глаза.

– Не бери в голову: он иностранец, – отвечает Аля. – За границей ругаются так.

– Хм... культуру не пропьешь.

Они входят в дом и зажигают заправленный бузинными углями камин. Волшебный аромат разливается по устеленной коврами гостиной.

Маша садится напротив пламени и подставляет озябшие ладони.

– На юге хоть отогреюсь от глобального потепления, – говорит она, зябко подергивая плечами.

Аля накидывает ей на плечи пуховый платок со словами:

– Поверь, я тоже хотела бы этого, но... м-м... проехали.

Маша внимательно смотрит на подругу.

– Не договариваешь чего-то... У вас, ребята, все okay?

– Да. Наверно я просто не умею работать с реальностью. Хотела тишины и покоя, а нашла вот гудящий в трубе дым. – Она улыбнулась. – Теперь вот и Георг на голову свалился.

Обе смотрят на бушующее в топке пламя.

– И... покоя как ни бывало.

– Ясно. Мешают мозги. Все им не так и покой твой до фени.

– Ага. Бо гады бесчувственные.

- Спасибо тебе за свое «бо», бо сохранила.
- Да и ты, судя по фейсу, застряла в юности, как мамонт во льдах.

Одаривая друг друга комплиментами, подруги веселели на глазах.

– Самое главное, мы с тобой не перестали понимать друг друга. После стольких лет разлуки... и да, вообще, после всего нами, девочками, пережитого...

Дверь с шумом распахнулась. Женщины вздрогнули.

– Георг, нельзя же так резко, – сказала Аля.

– Оставь «резко», – сказал Георг и, треугольно улыбаясь продолжил: – Девочки, я ваша Санта Клаус! нашел для вас за рубль семь!

Он водрузил на стол бутылку «Биле мицне».

– Как можно семьсот пятьдесят белой жидкости с поллитрой красного спутать?! – огорчилась Аля.

– Не придирайся к иностранцу, – сказала Маша. – Будь выше суеты сует. Я так «за».

– Тогда вот рюмки.

– «Мицне» пьют стаканами! – провозгласила Маша. – Я хоть не алкашка, но знаю толк.

Она разлила крепкий напиток по бокалам.

– Выьем же, девочки и мальчики, за дружбу между народами!

Выпили. Сошли с тормозов.

– Девочки! Шансон! Какой хороший русский шансон! – восклицал Георг, включая то Лепса, то Елену Ваенгу и конвульсивно содрогаясь в такт мелодии. – Я был хороший диск-жокей!

Пары алкоголя в атмосфере гостиной густели, и с ними появились неформальные вопросы.

– А почему Горги ты сказал «рупь семь»? Откуда знаешь? – пыталась Маша, чокаясь с Георгом.

Но тот, словно не понимая вопроса, глядел на Машу.

– Дело ясное, что дело темное, – шутила та. – Я не права?

– А почему, Георг, – спрашивала Аля, – ты весь путь от аэропорта вихлял, как бэшенный страус?

Георг молча уставился на Алю.

– Вай дас Мерс ниht маршрут... – изгалялась Машка, – вай ю ваг лефт-райт ол зе тайм? Не отпирайся, Штирлиц, ферштеен?

– Штирлиц?.. – «не въезжал» Георг.

Он несколько раз съёжил свое лицо ладонями и отпустил его.

– Горги ушел в гармошку и там заблудился, – комментировала Маша.

Аля, заряженная градусами, не отступала от своего интереса.

– Я следила. По навигатору... Может, ты не видел... То взад ехали, то вперед... Ты слышишь, Георг?

Френд послушно оттопыривал руками уши в ее направлении.

– Не понимаю, девочки, чего вам нужно, – наконец сказал он вполне трезвым голосом.

Аля вскипела:

– Ах... Как можно не понимать?.. Ты завис, как драный комп. Как долбаная «Альфа» 90-х... Машк, помнишь?

– У меня был «Георгий», – поглощая оливки, пошутила та. – Бета-версия.

– Тестовая?

Георг выпрямился. Расправил грудь и перестал паясничать.

– Вот именно, – сказал он четко, словно алкоголь профильтровал мозги.

Женщины замерли и обратились в слух.

– Меня тестировали, и я тоже, – продолжил Георг. – У меня была «Маша». Демо-режим. Маленькая девочка Маша. Ферштеен? И она должна была прилететь сегодня. А прилетела большая и взрослая жена. Такой тест. Такая характеристика.

Аля наморщила лоб. Ах, вот оно что.

Она все поняла.

Источник ночного адреналина выявлен. Во всем виновата она, Аля, своей персоной.

– И в самом деле, – сказала она. – Я говорила, что придет маленькая Маша. Потому что он, ну ведь правда, Георг? – не хотел «чужую» женщину в доме. А ты, и вправду, маленькая, – с улыбкой обняла она Машу за плечи, – всю жизнь меня меньше... на три сантиметра.

А Георг продолжил все так же твердо:

– Моя машина ездил влево-вправо, потому что я не хотел полиции. Тогда сюда. Я не платил налоги два дня. Меня штрафовали. Тогда сюда.

– И тут я не права! – воскликнула Аля со странным облегчением. – Я помню, как тебя штрафовали. Мне спросонья показалось, что ты нес стаканчик кофе в машину, а это были, – хи-хи, – документы в рулонч

– Вот именно, – сказал Георг. – Стакан – это не моя схема.

– Вот дура я! – продолжала казнить себя Аля, – ... или это был... все-таки...

Маша глянула на подругу.

– Что-то ты плохо в-выглядишь. У вас оказывается была б-бурная ночь, а я, как всегда, проспала самое интересное. Отдайте же скорее дань мистеру Морфею. К-какая рифма! Прошу. А я посторожу. Но с закрытыми глазами и ручками под щечкой.

Алю не пришлось уговаривать.

– Ты права, – сказала она. – Спокойной ночи.

Жалких остатков ночи оставалось с гулькин нос, потому подруги проснулись к полудню.

Аля заглянула к Маше в комнату поинтересоваться, «не приснился ли жених невесте».

Она чувствовала себя на взлете.

Они, бывшие однокурсницы одного учебного заведения, но разных факультетов, когда-то давным-давно жили в общежитии в одной комнате. Потом в один миг разъехались кто куда, и ничто не предвещало встречу. А она – о-бана! – произошла. Аля предвкушала душевные разговоры и интересное времяпровождение и, главное, юмор, по которому соскучилась. Георг – иностранец, что с него возьмешь? С кем посмеяться, как следует – от души?

– Жених? Не... – рассмеялась Маша. – Мой жених после Васи – это эзотерика. Представь себе. В самом прямом смысле, магия и эзотерика. – Она вынула брошюрку из ридикюля. – Буду изучать по заданию моего завлабика, между прочим. Бо физика близка теперь к магии. Такие дела. Но, право, я сейчас в раю и мечтаю только о море.

– Будет тебе море!

– О, как давно я на нем не была! Всю жизнь, всю свою чудовищно длинную жизнь...

– Ага! А обернешься назад – вспомнить нечего, – засмеялась Аля. – Парадокс времени, не так ли, дорогой мой физик?

– Да, – ответила Маша. – Такое чувство, что главного не произошло...

– Оно ждет нас за углом, – заверила Аля.

– Как не верить «алхимику».

– Да уж, – вздохнула Аля. – Алхимик – мое прозвище с детства. Потому и на химфак мотанула. А ты из-за чего физику облагодетельствовала?

– Из-за того ж самого детства.

– С этого момента, поподробней, бо записываю на извилины.

Она покрутила над головой пальцем.

Маша как бы сдула пыль с несуществующего микрофона и, произнеся «раз-два-три, проверка звука», сказала:

– Это произошло в детстве, когда я была маленькой. Гораздо меньше, чем сейчас. Подвыпивший отец стрельнул в соседа за то, что тот включил громкую музыку в машине, что стояла под окнами. И тут самому отцу стало плохо. Ему вызвали скорую, но она приехала слишком поздно. Он умер от разрыва сердца, испугавшись, что убил соседа, хотя убить человека из мелкашки с такого расстояния невозможно! Калибр не тот. Он и не убил его: я видела соседа на следующее утро живым и невредимым. Вместе с тем «убийство» имело место быть, так как произошло на моих глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.